

О Европе. Рукопись о государстве, солдатах и народной Анархии

Михаил Бакунин

1876

Оглавление

Государство и справедливость	4
История итальянского бунта	7
Либерализм и милитаризм	11
Солдат в государстве	15
Народная армия	18
Особый патриотизм армии	21
Руководство народной анархией	24
Уроки польского восстания	26

На русском публикуется впервые. Фрагмент сочинения. Рукопись страниц 27-30 и страниц 33-50 среди которой копия, выполненная неизвестной рукой. Страницы 1-26 утеряны. Текст начинается с 27 страницы. Главы добавлены переводчиком. Название «О Европе» возможно, добавлено работниками Института Социальной Истории в Амстердаме.

В этой рукописи Бакунин рассуждает о сущности государства, и конкретно затрагивает его особый орган – армию. Дисциплинированной и регулярной армии он противопоставляет вольное повстанчество с сильным руководством, могущим направить эту «народную анархию» на революционные достижения. Достаточно много Бакунин здесь также рассуждает о Италии как примере особых классовых, а не патристических стремлениях государственной армии, и Польском восстании как примере идеала народного восстания. – прим. переводчика.

Государство и справедливость

[на полях: стремится подчинить себе массы и, подчинив их, поработить и обогатиться за счет их труда] и зарплаты. Но сегодня это уже не вопрос инстинкта. Поскольку летаргический сон народов был поколеблен двумя великими бурями – Реформацией и Революцией; поскольку трудящиеся массы, уставшие от бесплодных ожиданий небесного воздаяния, стали желать более скромных удовлетворений, правда, менее отдаленных и, прежде всего, более реальных на земле; поскольку в них пробудилась идея права, не юридического, не теологического, а человеческого, они делают вид, что хотят взять свои дела в свои руки, несомненно, чтобы лучше управлять ими, – *умное* и привилегированное меньшинство, эксплуатировавшее их до сих пор инстинктивно и совершенно естественно, едва ли подозревая, что с точки зрения простой справедливости оно не имело на это права, и которое этой вековой эксплуатацией создало себе слишком выгодное положение, чтобы по доброте душевной от него отказаться, видя это опасное пробуждение народных масс и чувствуя угрозу своим самым заветным интересам, они открыто и сознательно замышляют заговор против свободы народа и используют все имеющиеся в их распоряжении материальные и интеллектуальные средства, чтобы если не предотвратить, что было бы невозможно, то хотя бы отсрочить его освобождение.

Этот постоянный и систематический заговор всех людей, заинтересованных в сохранении существующих беззаконий, называется сегодня во всех монархических странах Европы *Правительством*, а его регулярная организация – *Государством*. По сравнению с миллионами, составляющими народные массы, оно составляет, правда, очень небольшое меньшинство, но компактное, объединенное тесной солидарностью не своих убеждений, которых нет, а интересов каждого из его членов, и могущественное в такой же степени этой страстью к исключительным интересам, не желающим отступать перед справедливостью, как и безмерностью своих материальных и интеллектуальных средств. Ведь она имеет для себя образование, все богатства, все силы грозной централизации и, кроме того, привычку управлять массами и обманывать их. Ее главное преимущество и сила прежде всего в том, что она может открыто, безнаказанно, среди бела дня устраивать заговоры – ведь ее заговор называется правительством и службой государству. Наконец, у него есть авторитет веков, незаконное, но реальное владение всеми предметами спора¹ и та страшная сила бездеятельности, которая продлила существование многих нелепостей и исторических ужасов, – все то, что, даже когда рутинный разум оставляет его, служит ему подтверждением, вдохновением и духом.

Есть только одна сила, которой им не хватает и которую они никогда не смогут себе дать: Это истина и справедливость; это героический и искренний дух, который презирает все трусливые соображения, все корыстные расчеты и все уступки тому, что обычно называют человеческими слабостями, очень удобной ширмой для всех теологических, аристократических и монархических пороков, и идет размеренным, но честным и решительным шагом к завоеванию истины – когда она придет; Именно эта страсть к справедливости, какой бы она ни была, не склонится и не остановится ни перед какой *исторической несправедливостью*, каким бы почтенным ни было его

¹ objets en litige

положение и возраст, и не успокоится, пока, охватив всю землю, не освободит и не очеловечит всех до единого членов человеческой семьи.

Эта сила, полностью человеческая и столь же историческая, как и сама несправедливость, с которой она борется, – у меньшинства наших эксплуататоров-правителей нет этой всечеловеческой силы; это меньшинство даже напускает на себя вид, будто презирает ее, хотя в глубине души знает, что победить его может только она.

Именно она победила в прошлом в лице Христа, а затем в эпоху Возрождения, Реформации и Революции. Именно эта сила будет торжествовать вместе с нами в борьбе с христианством и позволит нам расширить, воплотив в жизнь, программу человеческой свободы, намеченную Революцией. – Что касается нас, то у нас нет другой силы, кроме этой, и очень плохо для нас, если мы откажемся от нее или даже если мы только уменьшим ее, позволив себе соблазниться не знаю каким практическим безумием, которое заставит нас искать наше оружие в арсенале наших врагов. –

Скажем громко и ясно, а если понадобится, то и тысячу раз: нет, когда речь идет о переделке политической лжи и злословия, мы никогда не сравнимся с нашими противниками, у которых волосы поседел от этого занятия. На этой подготовленной почве, которая эксплуатировалась веками и где все детали известны государственным мужам, самый глупый государь и самый некомпетентный министр всегда будут в тысячу раз искуснее, чем самый умный из нас. В отсутствие личного духа, это будет дух положения и традиции – это будет привычка и инстинкт власти, выработанные и созревшие за несколько сотен лет – это будет какой-нибудь скромный советник, какой-нибудь игнорируемый секретарь – это будет, наконец, заинтересованное предупреждение всех привилегированных органов в государстве и в церкви – и, поскольку все государства сегодня едины – в отсутствие отечественного совета и помощи, это будут иностранные министры и государи, которые не преминут предупредить и поддержать своих неудачливых коллег.

И против этой грозной коалиции всего богатства, всей материальной силы, организованной и сосредоточенной в государствах, поддерживаемой совместными действиями всех злых умов Европы, тесно сплоченных и одинаково заинтересованных во лжи,

[...]

[После четвертой страницы (тридцатая) далее две страницы рукописи отсутствуют. Мы воспроизводим здесь страницы копии рукописи Бакунина, сделанной неизвестной рукой, следующий текст начинается с 33 страницы.]

История итальянского бунта

Правда, в программе этой партии² всегда был большой недостаток: *национальное единство*, то есть сила и величие государства, всегда ставилось выше свободы, и, следовательно, последняя, лишенная всякого реального, живого, народного значения, будучи только исключительно политической, метафизической и буржуазной свободой, и как таковая абсолютно фиктивной для масс, ставилась гораздо выше *социального вопроса*.

Это была старая идея Данте Алигьери, уходящая корнями в античные традиции Римской республики, – идея славной и великой Италии, ставшей королевой мира не только благодаря своему гению, но и политической силе; идея нации-Мессии, вдохновленного самим Богом и взявшего в свои руки инициативу всех человеческих судеб, – идея, столь же неизменная по своей сути, как и родственные ей идеи Всемирной империи и папства; но пересмотренная, исправленная и по возможности приспособленная к потребностям и революционным тенденциям современности. Вместо страшного католического Бога, лютого врага людей, но друга священников, угнетателя и жертвователя людей священниками, являющего Себя миру только чудесами, появился так называемый имманентный Бог, уже не противоположный, но отныне присутствующий в сознании людей и открывающий Себя им не только через великие события истории и через орган избранных народов, но и через *людей добродетельного гения*. Вместо *Всемирной монархии*, о которой мечтал Данте, была установлена *Республика*, мало чем отличающаяся от нее по самой сути своей внутренней организации и столь же деспотичная как внешне, так и внутренне. Вместо католической веры – новая *религия долга*, а вместо священников, наконец, – *профессора благочестия*, призванные обучать детей и подростков в народных школах *катехизису жертвенности и патриотизма*.

Если вы хоть что-то знаете об итальянском народе, который, наряду с великорусским, является, пожалуй, самым реалистичным в Европе, вы имеете полное право удивиться тому, что столь глубоко религиозная аскетическая теория зародилась именно в Италии. Отчасти этот феномен можно объяснить огромным противоречием между ласкающей красотой и природным богатством этой земли, которая, кажется, приглашает к счастью, и ужасающими политическими и социальными страданиями, на которые она давно обречена историей; между ее глубоким рабством и поистине поразительным интеллектом ее жителей.

Не беря на себя смелость вдаваться во многие другие причины этого явления, я ограничусь констатацией того неоспоримого факта, что когда прославленный и великий итальянский патриот *Джузеппе Мадзини*, еще молодой и вдохновленный Июльской революцией, задумал создать новую партию – партию *молодой Италии*, он провозгласил свой унитарный принцип, республиканский на античный манер, аскетический и патриотический, и был с энтузиазмом встречен самой передовой и великодушной частью итальянской молодежи.

Единственными людьми, в которых бурлила жизнь, в Италии в то время была городская молодежь. Аристократия, за исключением нескольких отдельных знатных особ и даже нескольких великих миланских и венецианских семей, которые были взбудоражены и недовольны грубой бестактностью австрийцев, естественно,

² Скорее всего, имеются ввиду движение за объединение Италии.

принадлежала к застывшей или реакционной партии. С другой стороны, сельские жители, составлявшие подавляющее большинство населения Италии, особенно в бывшем Королевстве Двух Сицилий, были тогда и остаются сегодня вне всякого политического движения: Презираемые трудящиеся, невежественные, нищие, налогоплательщики, поставщики пушечного мяса, кормильцы судов, синьоров, церкви и городов, отданные в руки священников, а от них – в руки самых грубых суеверий – эти люди всегда были жертвами политики, которая никогда не приносила им ничего, кроме еще больших поборов, еще большей работы, еще большей нищеты и еще больших побоев. Оставались только города.

Раздираемая и деморализованная своими фракциями и междоусобными войнами своих городов, неоднократно разграбленная, разоренная и опустошенная кондоттьерами всех наций и регулярными армиями императоров, Франции и Испании, Италия в конце концов уступила подавляющей силе двух представителей символа дантовского единства – империи и папства, которые, к своему несчастью, примирились над ее гробом. Ее политическая смерть растянулась более чем на три столетия.

Вся его оставшаяся производительная сила нашла прибежище в философии, науке, поэзии и искусстве. Священный огонь, так долго оживлявший его, теперь был отодвинут на второй план и передавался из поколения в поколение несколькими изолированными гениями, мало ценимыми современниками. По мере того, как общественное движение все более и более низводилось в ничто, торговля и промышленность, которые, зародившись в Италии в Средние века, сделали ее самой богатой и цивилизованной страной Европы, впадали во всеобщий застой. Казалось, что все умирает или погибает.

Французская революция избавилась от этого оцепенения, но не избавила от этого Италию. Более того, она прикоснулась к ней только в последний период своей жизни, когда сама, измученная ужасными и губительными кровопусканиями, которое она сама себе устроила, лишенная своих творческих гигантов, которых она гильотинировала в приступе неистовой лихорадки, скатывалась в грязь вслед за своей бессильной и гиблой Директорией. Бонапарт, генерал этой Директории, не был освободителем: он был презирателем человеческой расы и великим эксплуататором народов. Он создавал и переделывал Италию в соответствии со своей фантазией и в соответствии с интересами момента, с конституциями, которые давались и рождались мертвыми; он брал у нее много денег, много пушечного мяса, не забывая о картинах и статуях, которыми он украшал свои музеи, а взамен давал ей много изящных фраз. Он продал часть ее Австрии, отрезал и переотрезал куски, чтобы раздать королевства своим родственникам, и в конце концов превратил ее во французскую префектуру. Все это прошло над Италией, плохо ожившей, как сон. А когда она проснулась под звуки пушечной пальбы, возвестившей о падении Наполеона, то обнаружила себя рабыней Австрии, папы и Бурбонов....

Италия снова была в цепях, но она перестала спать. Временное господство Франции, сначала республиканской, а затем имперской, не могло, конечно, вернуть Италии ни свободы, ни жизни, но оно избавило ее от летаргии; оно оказало ей еще одну весьма реальную услугу, освободив ее от ига священников, а также³ от всех других

³ Отсюда начинается рукопись, написанная рукой Бакунина.

учреждений Средневековья, и пробудив почти во всех итальянских провинциях чувство их взаимной солидарности. Эта бедная итальянская буржуазия, более трех столетий подвергавшаяся всем бесчестьям, глупости и ужасам феодальной и клерикальной систем вместе взятых, вздохнула свободнее под французским господством, которое, за неимением ничего другого, дало ей, правда, крайне централизованное и бюрократическое, но, по крайней мере, рациональное правительство; национальную армию, в которой все ряды были открыты для авантюрных устремлений молодых людей из средних слоев; и в отсутствие реальной и серьезной свободы – гражданское равенство. И вот, когда изгнанные прежние государи, воспользовавшись падением Наполеона, вернулись в Италию, подобно множеству кровавых призраков, следуя за императором Австрии и папой, увлекая за собой иезуитов, инквизицию, их приспешников, их палачей и их старых придворных со всей древней знатью, – когда, разделив Италию, они снова погрузили ее в удобства клерикально-феодального режима, уничтожив все новые учреждения и заставив ее вернуться на три столетия назад, значительная часть этой буржуазии, поддерживаемая, с одной стороны, несколькими разрозненными представителями дворянства и многими маратистскими или бонапартистскими офицерами, а с другой стороны, опираясь на симпатии народных масс и городского пролетариата, решительно бросилась в заговор.

Либерализм и милитаризм

К 1820 году, достопамятному времени либеральных и патриотических восстаний в Италии и Испании, по всему итальянскому полуострову уже насчитывалось более 60.000 карбонариев, регулярно объединявшихся. Их революционная программа не была четко сформулирована. В то время в Италии, как и во всех других странах Европы, преобладала идея конституционно-монархического режима. Республиканцы были еще малочисленны. Кроме того, во всей южной и романской части Европы, во Франции, Италии, Испании, а также в Бельгии и даже в части рейнских провинций, которые Парижский и Венский конгрессы вновь отделили от Франции, наблюдался тот необычный и, по правде говоря, чудовищный факт союза либерализма с милитаризмом.

За исключением Испании, чьи бывшие офицеры и солдаты прошли подготовку в войне за национальную независимость против Наполеона, офицеры и солдаты других стран, о которых я только что упомянул, находились на службе у этого деспота-завоевателя. Пока он оставался у власти, наемники, жаждущие славы только тогда, когда они не были жадными до других, более реальных благ, и доводящие культ императора, флага и военной дисциплины до фанатизма, даже не подозревали, что существует что-то похожее на либеральное или национальное право, независимое от прихоти их хозяина. Одного взмаха его руки было достаточно, чтобы они бросились против всех возможных повстанцев в мире. Разве итальянские и польские полки не шли по его приказу против народа Испании, виновного лишь в том, что он не хотел, чтобы его страна стала провинцией империи, как вся Италия, за исключением Сицилии и Сардинии? А если бы французский народ, уставший от отвратительного, бесчестного и разорительного ига первого императора, восстал против него, разве все его солдаты, иностранные и французские, не колебались бы ни минуты, чтобы утопить восстание в крови восставшего населения?

Я не виню этих храбрых детей Беллоне⁴. Они были обычными наемными солдатами, зачисленными и организованными как постоянная армия. А солдатом становятся только для того, чтобы резать глотки и грабить людей во время мятежа или войны, а в мирное время – порабощать и разорять их. «Какова ваша профессия?» – спрашивает доктор Панглос солдата в одной из сказок Вольтера. И солдат отвечает: «Моя работа – убивать и быть убитым, чтобы заработать себе на жизнь». – Постоянные армии основаны на принципе и организованы по системе, которая делает их абсолютно разрушительными и губительными как для процветания населения, так и для его свободы. У постоянных армий не может быть другой основы, другой души, кроме строжайшей дисциплины. Отмените эту дисциплину, и вы получите армии разбойников, неистовую солдатню, подобную тем ужасным кондотьерам Средневековья, которые разграбят и обескровят всю страну. Сохраните ее, и в руках деспота окажется инструмент угнетения, столь же тупой и жестокий, сколь и страшный, – машина, способная сокрушить всех.

Поэтому нет ничего более нелепого и лицемерного, чем говорить о либерализме или даже патриотизме постоянных армий – либеральная машина это нонсенс –

⁴ Сложно определить на что ссылается тут Бакунин. Беллоне – это сорт итальянского винограда, также название французского фрегата, воевавшего при короле и во время революции сначала за независимость США против британского флота, затем защищая Французскую революцию.

она крушит и убивает, без гнева, без идеи, даже не зная и не желая того, что она делает, повинувшись только импульсу, данному ей высшим машинистом. Французские войска, недавно посланные императором Наполеоном III на помощь папе против генерала Гарибальди, были, как все знали и говорили, полны симпатий к великому итальянскому патриоту, полны антипатий к наместнику доброго Господа на земле – что не помешало им спасти папу и очень тщательно расстрелять добровольцев Гарибальди. Итальянские войска были еще более благосклонны к Освободителю⁵; но они позволили французским солдатам делать свое дело, не двигаясь, и разоружили итальянских добровольцев, крича «Vive Garibaldi», «Да Здравствует Гарибальди» – патриотизм итальянских солдат был отменен долгом и привычкой к механическому повиновению и словно утоплен в дисциплине. Они стояли неподвижно, держа оружие наготове, наблюдая за расправой солдат Наполеона III над своими соотечественниками и погребением итальянской независимости в Ментане⁶.

Все эти добрые люди, сделавшие военную службу своей профессией, все эти генералы, офицеры и солдаты постоянных армий, несомненно, стремящиеся обмануть самих себя относительно того состояния настоящего унижения, до которого их доводит военная дисциплина, очень часто воображают, что ими владеет страсть к патриотизму. Они сильно ошибаются. У них почти всегда есть тщеславие и, увы, слишком часто узкие, бесчеловечные и свирепые инстинкты, но никогда – любовь. Любить свою страну – значит желать процветания и свободы своему народу. Но невозможно желать того и другого, когда ты работаешь в профессии, само предназначение которой диаметрально противоположно тому и другому. Каждый солдат – это существо, насильственно и абсолютно отделенное от массы своих сограждан – их естественный враг и угнетатель.

У профессионального солдата нет другого отечества, кроме его армии, нет другого патриотизма, кроме патриотизма флага. – ни достоинства, кроме тщеславия, чванливости фехтовальщика и презрения к Пекину и народу⁷. В 1830 году, во время Июльской революции, Арман Каррель, обладавший высшей степенью военной страсти, до такой степени, что никогда не хотел простить Луи Филиппу, что тот не произвел его в полковники, прогуливаясь с пистолетом в руке среди баррикад, не мог скрыть своего гнева, революционер, интеллигент и республиканец, каким он был, когда увидел победу народа Парижа над войсками! А в 1848 году, когда после катастрофических июньских дней некоторые члены Национального собрания упрекнули генерала Кавеньяка в том, что он, слишком сконцентрировав войска, сделал репрессии чрезмерно кровавыми, он ответил простыми словами, достойными военной откровенности: «Я не хотел, чтобы честь знамени была запятнана и чтобы армия оказалась развращенной во второй раз». – Первый раз, по его словам, был в

⁵ То есть к Гарибальди.

⁶ Ментана – коммуна в Италии северо-востоке от Рима. 3 ноября 1867 года в окрестности города произошла битва между французско-папскими войсками и итальянскими добровольцами Джузеппе Гарибальди, которые хотели захватить Рим, чтобы включить его в состав нового объединенного Королевства Италия. Гарибальди был побежден. В Ментане над братской могилой итальянских патриотов установлен памятник *Ara dei Caduti* (алтарь павших).

⁷ *le mépris du pékin et du peuple*

достопамятные февральские дни, когда победивший народ провозгласил Республику.
– И это демократ и республиканский генерал произнес эту чудовищную фразу!

Это не был единственный пункт, исходивший из уст генерала. Он убил Республику, это правда; но он спас армию, чтобы позже она подняла на щиты своего спасителя, нового диктатора Франции – Наполеона III. –

Солдат в государстве

Давайте требовать от каждого человека и каждой должности только то, что, в соответствии с их природой, они могут и должны дать. Только при этом условии мы сможем избежать греха несправедливости и другого, не менее губительного по своим последствиям, греха глупости. Поэтому давайте никогда не искать либерализма или даже патриотизма, в общепринятом смысле этого слова, в человеке, который занимается профессией генерала, полковника, офицера, унтер-офицера или солдата – если вы встретите такого, который проникнут и тем и другим, скажите себе, что он лишь редкое исключение, или, скорее, что он лишь очень плохой солдат, чуждый тому, что составляет добродетель и честь солдата: дисциплина и исключительное поклонение флагу. Его долг, как и его интерес, может еще очень хорошо сочетаться с тем, что называется *патриотизмом государства*.

Солдат – первый и самый ценный слуга государства, которое без него не имело бы ни минуты власти снаружи, ни существования внутри. Министр финансов или сборщик налогов – второй слуга, потому что он делает возможным содержание постоянных армий – он платит и кормит солдат. Третье место в государстве занимает министр внутренних дел или жандарм, гарантирующий бесперебойный сбор налогов; – четвертое, наконец, священник, единственная миссия которого – усыплять народ и благословлять этот барак – его тюрьму – *божественное учреждение государства*. – Но солдат, в свою очередь, должен защищать сборщика налогов, жандарма и священника, потому что без них невозможна никакая постоянная армия.

Поэтому солдат является стражем государства и представителем, орудием его всемогущества – как внутреннего, против свободы и процветания своих сограждан, так и внешнего, против независимости всех соседних народов. Без государства не может быть солдат, а без солдат не может быть государства – они неразделимы. В этом истинный и единственный смысл патриотизма каждого хорошего солдата.

Воспитание этих людей, от простого солдата до высших степеней военной иерархии, таково, что они неизбежно должны стать врагами гражданского общества и народа. Сама форма, которую они носят, так напоминающая ливрею, все отличительные украшения и нелепые безделушки, обозначающие полки и чины, все детские глупости, которые занимают значительную часть их существования и из-за которых они часто казались бы такими шутовскими, если бы не были всегда грозными, – все это отделяет их, глубже, чем можно подумать, от общества. Эти приятные наряды и тысячи грубых церемоний, среди которых проходит их жизнь, добавленные к их ежедневным упражнениям, не имеющим иной цели, кроме искусства убивать и разрушать, были бы глубоко унижительны для людей, не утративших чувства человеческого достоинства. Они умерли бы от стыда, если бы, благодаря систематическому извращению идей, в конце концов не стали гордиться этим. Чтобы не презирать себя, они должны абсолютно презирать все, что не носит саблю и военную ливрею. Добавьте к этому смерть всякой оригинальной мысли посреди этого искусственного и рутинного существования, этих монотонных, однообразных и механических занятий; удушение всякой индивидуальной воли безжалостной дисциплиной. Они перестают быть людьми и превращаются в солдат; их зачисляют в автоматы, которые подчиняются и управляются чуждой им волей. Пассивное повиновение – их величайшая добродетель, а слепая преданность хозяину, для которого они – автоматы, рабы, составляет все, что называется их честью. – Это верх унижения.

Подвергаясь деспотическому правлению, они в конце концов отвращаются от всего, что чувствует, всего, что хочет, всего, что проявляет себя свободно. Любой мыслитель в их глазах – анархист; требования свободы – это бунт, и вполне естественно, что в итоге они хотят навязать всему обществу железную власть, жестокую дисциплину, тупой порядок, жертвами которого они сами являются.

Не дай Бог, чтобы среди профессиональных военных не нашлось несколько умных, образованных и даже иногда, хотя и очень редко, искренне либеральных людей. Но, как я уже говорил, это могут быть только исключения, аномалии, которые можно найти в любой среде и которые, как говорится, только подтверждают правило. Интеллигентный солдат, который не довольствуется теми представлениями, которые дают ему военная наука и мораль, и который любит свободно мыслить обо всем, должен задыхаться в узком кругу рутины и военных занятий. Если он действительно любит свободу, он должен ненавидеть дисциплину, которая делает его рабом; если он ревностно относится к своему человеческому достоинству, он должен презирать то, что называется честью, и то, что я бы скорее назвал военной честью. Наконец, если он искренний друг своего народа, если он умен, просвещен и в то же время честен с самим собой, он должен понимать, что все его положение делает его самым опасным, угнетающим и губительным врагом – чувства, мысли и наклонности, которые обязательно сделают его очень плохим солдатом. Ведь чтобы хорошо выполнять работу, ее нужно уважать и любить, а нельзя любить военную службу, не презирая народ.

Народная армия

История показывает нам достаточно военных людей, одаренных великой наукой и гением и ставших выдающимися государственными деятелями; но мы знаем только двух, которые действительно доказали свою любовь к свободе и народу. Первый – Вашингтон, второй – генерал Гарибальди. Я не имею в виду ни пуританских генералов Кромвеля, ни соратников освободителя Нидерландов Вильгельма Молчаливого, ни великого Колиньи. Все они родились не из автоматической дисциплины постоянных армий, а из религиозной революции, которая с помощью фанатизма позволила им установить дисциплину, одновременно необходимую и совместимую с достоинством и, в некоторой степени, даже с личной свободой их солдат. Не буду также упоминать о тех генералах-гражданах, созданных Французской революцией, которые, имея счастье преждевременно умереть на поле боя, избежали риска стать автоматами с большими эполетами – Маршалами, Принцами и Герцогами великого Наполеона.

Не стану также упоминать о прекрасном примере, поданном недавно генерал-патриотами Соединенных Штатов Северной Америки; Грантами, Шерманами и многими другими не менее прославленными и не менее преданными республиканским учреждениям своей великой родины воинами, которые, защитив ее от свободоубийственного нападения рабовладельцев-плантаторов Юга, сместили своих командиров и распустили свои армии. Они – как Вашингтон в свое время и как Гарибальди сегодня – вожди, высшие командиры ополчений, а не генералы постоянной и строго регулярной армии.

В Соединенных Штатах Северной Америки – стране политической и административной децентрализации и максимально возможной автономии как штатов или провинций, так и коммун – все, что живет, все, что делается, как наименее умные, так и самые бедные граждане, проникнуты чувством, осознанным убеждением своей свободы и личной ответственности. Это делает невозможным деспотизм и военную диктатуру. Я прекрасно понимаю, что могут существовать и в данный момент существуют люди, которые развлекают себя мечтами об удовольствиях и *славных амбициях* неограниченной и централизованной власти. Джонсон, нынешний президент, очевидно, один из них. Его преступные попытки⁸, которые даже не могут вызвать гнев сограждан – настолько они уверены в своей свободе – закончатся лишь фиаско и будут наказаны одной из тех нелепостей, от которых очень трудно оправиться. В условиях федеративно организованной демократии, где свобода стала как естественная атмосфера, которой мы дышим, преступные безумцы могут иногда думать о деспотизме, но им никогда его не достичь.

Но в Европе и особенно на европейском континенте, за исключением Швейцарии и, возможно, Скандинавского полуострова; в основном в странах, населенных романскими, германскими и славянскими расами, которые были воспитаны ис-

⁸ Президент США в 1865-1869 годах Эндрю Джонсон (1808-1875), представитель Демократической партии, находящийся в десятке худших президентов, известен тем, что Сенат США впервые в истории рассматривал против него дело об импичменте. Нелюбовь он заслужил тем, что, победив в Гражданской войне против рабовладельцев, не стал укоренять свободы, например наложил вето на билль о гражданском равноправии освободившихся рабов. Занимался самоуправством, например, назначал и увольнял по своей прихоти министров, что стало причиной начала его конфликта с Сенатом и Палатой представителей, начавшей против него процедуру импичмента.

торией: одни под римско-католическим благословением, другие под татарским византизмом, третьи, наконец, под растворяющим и усыпляющим влиянием кастрированного протестантизма, ставшего покорным слугой князей; и все вместе, не имея в руках палки монархического, военного и бюрократического всемогущества государства – воспитанные, сказал я, и приученные всей своей историей к культу этих славных политических Единств, где народы непременно становятся народами-овцами; – в тех странах, где свобода и жизнь народа все еще поглощены, задушены чудовищной централизацией и традиционно эксплуатируются классами, обладающими исключительными политическими и социальными привилегиями; в этой европейской среде, все еще полной теологических, монархических, аристократических, буржуазных, доктринерских и властных миазмов, где есть место, наслаждение и права для всех, кроме народа; – в этом мире, основанном на презрении к народу, генералы-освободители, такие как Вашингтон, как Шерман, как Грант, могут в конечном счете превратиться во врагов народного дела. Кто может сомневаться в глубокой искренности демократических чувств генерала Гарибальди и его огромной любви к народу? И все же все чудесное, что он сделал для Италии, было обращено, как я попытаюсь доказать чуть дальше, исключительно в пользу государства, против народа⁹.

⁹ К сожалению, мы узнаем этих доказательств Бакунина, так как, либо Бакунин перестал писать эту рукопись, либо конец рукописи был безвозвратно утерян. Но можно, следуя бакунинской логике, самим догадаться, что он имел в виду: Национальное восстание за объединение Италии была восстанием за государство, а не свободу трудящегося народа. В каком-то из своих произведений он писал, что революционеры, что вторглись в Южную Италию, просто принудили местных жителей к национальному единству. Восстание была поэтому обращено на укрепление и создание большого национального государства, то есть эксплуататорского и угнетающего класса против народа, а не за народную анархию и народную свободу (как это было сказано немного выше в этой рукописи). Бакунин, в рамках своих дел в Италии, пытался перенаправить активность революционеров в сторону более радикального бунта против государственнических и теологических идей Мадзини и республиканцев.

Особый патриотизм армии

Не будет преувеличением сказать, что сегодня в Европе нет ни одной постоянной армии, в которой благодаря постоянному применению традиционного метода воспитания и хитроумно рассчитанных воздействий – метода, значительно усовершенствованного за последние двадцать лет, – нам не удалось породить в сердцах и воображении солдат не столько ненависть, сколько презрение к рабочим классам, из которых большинство из них происходит; и где, за редким исключением, все офицеры убеждены, что их миссия сегодня заключается скорее в подавлении внутреннего недовольства собственной страны, чем в ее внешней защите. В наши дни они настолько эффективно сменили свою прежнюю роль защитников отечества на роль жандармов и палачей народа, рыцарей-защитников торжествующего беззакония, поддержание которого называется общественным порядком, что мы можем добавить, без малейшего опасения совершить по отношению к ним грех несправедливости, что сегодня они питают к иностранным и соперничающим войскам чувства, которые можно назвать очень человеческими и чрезмерно великодушными, если сравнить их с теми, которые они питают к подавляющему большинству своих сограждан.

Это настолько верно, что в настоящее время между офицерами разных стран Европы существует гораздо больше солидарности интересов и идей, гораздо больше симпатии и взаимного уважения, чем между этими патентованными саблистами и их народом. Этим отчасти объясняется непатриотическое отношение итальянских полков к резне итальянских добровольцев шассепотами французских полков в Ментане. Первое проявление этого нового международного союза всех офицерских корпусов Европы – союза, абсолютно противоположного узости древнего патриотизма, – первая великая демонстрация теперь уже неразрывной солидарности этих профессиональных убийц народных масс Европы, произошла в 1848 году, когда генерал Кавеньяк, еще красный от крови парижских рабочих, убитых им в июне, получил со всех концов Германии поздравительные адреса, подписанные прусским, австрийским, гессенским, саксонским и другими немецкими офицерскими корпусами.

Посмотрите на разницу во времени. В июле 1791 года генерал Лафайет – эта «Свобода двух миров», как поется в песне революции, совершенной народом, но задушенная буржуазией, – этот патриотичный и республиканский генерал всю свою жизнь, не больше, не меньше, чем генерал Кавеньяк, – сам совершил тот же подвиг, на знаменитом Марсовом поле, где, неожиданно обрушившись на народ, он расправился с сотнями храбрых рабочих, включая многих детей и женщин, – принесенный им в жертву *общественному порядку, а также* нежному спокойствию буржуазии, а также в знак своего двойного отличия как дворянина и солдата тем равным ему по происхождению или братьям по оружию, которых его двусмысленное поведение заставило усомниться в чистоте его чувств.

Последствия подвига Лафайета и подвига Кавеньяка были очень разными, это правда, но их смысл, их характер, их дух были одинаковыми – и все же генерал Лафайет не получил никаких иностранных поздравлений. Ни офицеры Брауншвейга, ни офицеры Австрии не проявили к нему солидарности, и когда, разоблачив его позорную измену, ему пришлось бежать и укрыться под защитой иностранных штыков, он был принят ими не как друг, а как враг и заперт австрийцами в Ольмюце. Потре-

бовалась смерть свободы и приход величайшего деспота Франции, чтобы вернуть ему свободу. – Кто не знает, что позже, во времена Реставрации, этот незаурядный патриот и военный республиканец стал душой либеральных заговоров.

Из этого сравнения следует, что военное сознание сильно развилось в Европе с 1791 по 1848 год. Но с последнего периода до наших дней оно развилось еще больше. Военное братство, выходящее за рамки государств и превращающее офицеров всех стран в единую семью, – эта репрессивная солидарность – естественное следствие союза всех реакций против всех революций в Европе – сегодня является патентованным, очевидным и широко признанным фактом. Во всем этом жестоком, тщеславном, смехотворно пестром, разношерстном и раболепном сброде есть только один дух: это презрительная ненависть к народным массам, ужас перед тем, что они называют «сволочью».

Руководство народной анархией

Отсюда следует, что даже если под влиянием стечения чрезвычайных обстоятельств генерал или профессиональный военный бросится в какое-нибудь революционное движение, даже если ему дадут хоть малейшую политическую власть или просто поручат высшее руководство народным восстанием, он непременно погубит революцию. Во-первых, он никогда не научится руководить недисциплинированными массами. Он будет презирать их, не зная, как ими воспользоваться, и предпочтет им небольшое количество обученных солдат. Он будет тщетно пытаться навязать этим массам военную дисциплину и, не сумев сделать из них даже сносных солдат, парализует их собственную силу. Привыкший основывать свои прогнозы, свои расчеты и свои начинания только на точности, а также на сочетании, как бы математическом, военных движений, осуществляемых регулярно организованными войсками, он никогда не поймет, что народная сила, диаметрально противоположная в этом, как и во всем остальном, военной силе, заключается не в систематическом соблюдении искусственно навязанного порядка, а именно в единодушии и в наибольшем распространении того, что часто называют революционным беспорядком.

Пусть никто не думает, что я хочу выступить за абсолютную анархию в народных движениях. Такая анархия была бы ничем иным, как полным отсутствием общей мысли, цели и образа действия¹⁰, и она неизбежно привела бы к общему бессилию. Все, что жизнеспособно, происходит в рамках определенного порядка, присущего ему и проявляющего то, что в нем заложено. Каждая народная революция, не мертворожденная, утверждается, следовательно, по собственному желанию, в порядке, который будет ей свойственен, который всегда будет угадываться народным инстинктом и будет определяться естественным сочетанием всех местных обстоятельств с общей целью, которая увлекает массы. Чтобы этот порядок возник и утвердился посреди кажущейся анархии народного восстания, необходимо, чтобы в народе зажглась одна великая страсть и чтобы ее цель была ясно определена.

Идеал такого восстания, на мой взгляд, был реализован в массовом восстании *Шуанов*¹¹ – несомненно, не в их программе, которая, увы, была чрезмерно реакционной. Закаленные войска Республики, которыми командовали лучшие генералы, в течение многих лет сдерживались *беспорядками* этих крестьян.

Другой пример – народное восстание в Испании против наполеоновского нашествия. Можно также привести в пример восстание русского народа против нашествия того же Наполеона в 1812 году.

Что делает подлинно народные движения такими мощными, так это то, что они являются продуктом великой единодушной страсти и вовлекают всех, как слабых, так и сильных, женщин, детей, стариков, а также молодых и зрелых; Именно отсутствие какого-либо формального порядка или искусственного правила, навязанного высшей властью, делает возможным это участие всех возрастов и полов в общем движении; а окончательное подавление народных сил, всегда исчезающих и всегда возрождающихся, тем самым становится невозможным.

¹⁰ Conduite – поведение, руководство.

¹¹ Шуан с французского «молчаливый», «сова» – прозвище для братьев Шуан, в первую очередь для Жана Коттеро, более известного как Жан Шуан, который возглавил крупное восстание крестьян-роялистов в графстве Мэн в 1794-1800 годах (провинция и река между Бретанью и Парижем). Само восстание стало известно как Шуанерия, восстание Шуанов.

Уроки польского восстания

Яркое доказательство этому мы видели в последнем польском восстании. Это было анархическое движение, а *национальное правительство* в Варшаве оказалось слишком слабым, чтобы сдерживать и направлять его; Это было скорее преимуществом, чем несчастьем, потому что это правительство – не путать с *Центральным комитетом* Варшавы, который хорошо организовал национальный заговор, но который в первые дни восстания фактически распустился и был заменен Национальным правительством – это правительство, я говорю, было такого нереволуционного темперамента, что оно было гораздо более способно убить, чем дать жизнь польскому восстанию. Все члены Центрального комитета, за исключением, пожалуй, одного или двух, были искренне революционны, если не полностью по своей программе – к которой я вернусь ниже, – то, по крайней мере, по энергии своей веры и своей воли. Это были молодые люди, которым не терпелось начать борьбу и которые рассчитывали только на народное восстание. Они, естественно, были противниками системы уступок и полумер и не доверяли дипломатии, поэтому можно было подумать, что если бы они сейчас стояли во главе повстанческого движения, то оно приняло бы более решительный характер. Но, движимые нетерпением, юношеским тщеславием и героизмом, а отчасти и самой необходимостью, вызванной их очень трудным положением, они покинули Варшаву и возглавили повстанческие отряды. Почти все они погибли, а их место заняли другие. Эти другие были революционерами послезавтрашнего дня, а не позавчерашнего; патриотами, к тому же преданными, но умеренными, нерешительными и мудрыми, которые никогда бы не начали революцию, которую только накануне объявили невозможной, и которые, следовательно, не обладали ни одним из качеств, необходимых для ее успешного завершения.

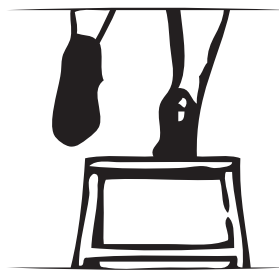
Умеренные революционеры упрекали революционную молодежь в большой глупости, в доверии к народу; они никогда не разделяли этого доверия, и по многим причинам, которые я оставляю за собой право изложить позже, они боялись народного восстания даже больше, чем желали его. Но, доказав свою неоспоримую мудрость этим *оправданным недоверием*, которое народ всегда внушал им, они не смогли избежать другой глупости – я не могу иначе описать их детскую уверенность в помощи дипломатии. Они стали ее жертвами. – Очень опасный и очень двусмысленный друг польского дела, глава государства, которое с тех пор, как это дело появилось, не упускало случая оказать ему самые дурные услуги, – император Наполеон III, в свое время, предложил им взять в свои руки управление национальным движением – сначала для того, чтобы парализовать все, что в нем было истинно революционного и что, добавил он, обязательно было бы антипатично всем регулярным правительствам Европы; но в то же время, чтобы затянуть его, в конце концов, продолжая его как исключительно национальный протест, чтобы дать дипломатии предлог для вмешательства в дела Польши – эти мудрые люди, фактически захватившие национальное правительство, слишком точно следовали советам Парижа. Они возлагали все свои надежды на дипломатическое вмешательство Франции и, чтобы угодить ей, а также Австрии, которая в течение нескольких месяцев делала вид, что хочет присоединиться к политике Франции, прилагали все усилия, чтобы успокоить, низвести ее народность и задуть национальное восстание. – Благодаря своему бессилию они добились лишь незначительного успеха.

Последнее польское восстание не было исключительно или даже главным образом движением шляхты, как считалось и до сих пор считается в Европе. Оно было в значительной степени делом рук демократии городов, очень многочисленного класса ремесленников и мелкой буржуазии. Многие молодые люди, принадлежавшие к шляхте, играли в ней, правда, довольно активную роль, но они не преобладали. Они участвовали не *потому, что* были шляхтой, а *несмотря на то, что* были ей, приняв революционную программу, в том смысле, что она разрушала в самых своих основах исключительное политическое существование шляхетства, не затрагивая, однако, его экономического и социального существования, глубоко оторванного, как мы знаем, от существования трудящихся масс. Воспитанные в школе старой французской демократии, а также в школе Мадзини, эти героические молодые люди ратовали за воскрешение старой Польской республики в пределах ее границ 1792 года, с конституцией, устанавливающей политическое равенство, основанной на всеобщем избирательном праве и откровенной индивидуальной свободе, с мощной концентрацией всех политических сил в государстве – слишком историческая и слишком политическая программа, чтобы в ней нашлось место для серьезного социалистического принципа, и это, по моему глубокому убеждению, было главной причиной неудачи этого восстания – я не премину вернуться к этой теме.

Поскольку подавляющее большинство крестьян воздержалось от участия в последнем национальном движении, а большая часть шляхты участвовала в нем лишь косвенно, число повстанцев так и не смогло превысить цифру в ...

(рукопись здесь обрывается)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
О Европе. Рукопись о государстве, солдатах и народной Анархии
1876

IISG

ru.anarchistlibraries.net